

9. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М, 1979. Т. 2. С. 117, 193.
10. Тревер К. В. Древнеиранский термин *parna* // Изв. АН СССР. Сер. История и философия. 1947. Т. 4, № 1. С. 73–85.
11. Данковская Р. С. Свадебные обряды у малороссов Украины // Этногр. обозрение. 1909. № 2–3. С. 146.
12. Сабурова Л. М. Культура и быт русского населения Приангарья: конец XIX – начало XX в. Л., 1967. С. 183.
13. Словарь русских народных говоров. М., 1972. Вып. 7. С. 313–317.
14. Трубачёв О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959. С. 115–117.
15. Словарь русских народных говоров. М, 1972. Вып. 7. С. 317.
16. Трубачёв О. Н. Указ соч. С. 90–94.
17. Словарь русских народных говоров. М, 1982. Вып. 18. С. 221.
18. Куликовский Г. И. Словарь современного русского народного говора. М., 1969. С. 4, 27.
19. Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья XIX – начала XX вв. : Этнографические очерки. Л., 1983. С. 162.
20. Словарь русских народных говоров. М., 1973. Вып. 8. С. 277, 283.
21. Государственная молодежная политика в законодательстве РФ : сб. докум. Ч. I–III / под ред. В. А. Лукова. М. : Социум, 2000.
22. Социология молодежи / под ред. В. Т. Лисовского. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1996.
23. Кон И. С. Краткий словарь по социологии. М., 1988.
24. [http:// Silverg.vozrast.ru](http://Silverg.vozrast.ru).

ШИНКАРЁВА А. П.

РАЗВИТИЕ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА И ПЕЧАТИ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЗАЦИИ ИРКУТСКОГО ОБЩЕСТВА КОНЦА XIX – НАЧ. XX ВВ.

Процесс политизации сибирского общества, начиная со второй половины XIX в., условно вписывается в несколько этапов, определяющихся как общими тенденциями экономического и социально-политического развития Российской империи в целом, так и особенностями развития Сибири. Один из них можно связать со временем генерал-губернаторства Н. Н. Муравьева и появлением сибирской периодической печати.

Сибирское общество, особенно со второй половины XIX в., испытывало сильное влияние массовой политической ссылки. Мы можем наблюдать это влияние в той или иной степени в разных сферах жизнедеятельности края.

17 апреля 1859 г. Иркутск был взбудоражен неординарными событиями. «Отпечатанные в типографии Штаба военного округа в количестве нескольких тысяч приглашения на похороны убитого на дуэли М. С. Неклюдова распространялись среди населения и выбрасывались из окон библиотеки на Большой улице. Автором текста был М. В. Петрашевский»¹.

Дуэль эта явилась апофеозом конфликта группы чиновников Главного управления Восточной Сибири во главе с Ф. А. Беклемишевым с их же коллегой чиновником М. С. Неклюдовым, обвинявшим местные власти во взяточничестве, казнокрадстве и беззаконии. По сложившемуся общественному мнению, проведенная на одной из заимок близ города первая в Иркутске дуэль походила на целенаправленное убийство. Она вылилась в городскую демонстрацию, организованную ссыльными М. В. Буташевичем-Петрашевским, Ф. Н. Львовым и членами местного кружка либерально-демократической интеллигенции «Общество зеленых полей» купцом А. А. Белоголовым, публицистом М. В. Загоскиным и другими. Кроме того, события вышли и на международный уровень. На иркутскую дуэль откликнулся полемикой в нескольких номерах журнал «Колокол», издававшийся А. И. Герценом в эмиграции. В приложении «Под суд!» была опубликована вначале статья доктора Н. А. Белоголового, основанная на письмах его друзей из Иркутска (№ 2, 1859), затем в двух номерах вышла написанная М. А. Бакуниним статья-опровержение (№ 6 и 7, 1860)².

Во всей этой истории нас прежде всего интересует роль типографии. Возможность напечатать политические листовки в типографии *генерального штаба Восточно-Сибирского военного округа*, да еще и огромным тиражом объясняется тем, что типография к тому времени еще не имела официального статуса и утвержденного состава сотрудников, находящихся на службе. В штате военной типографии состояли вольнонаемные лица. А в либеральном Иркутске, политизированном большим количеством ссыльных, не составляло особых трудов убедить типографских рабочих напечатать листовки.

Наиболее значимым и результативным влияние политической ссылки стало в сфере культурной жизни Сибири, в том числе – в развитии региональной печати в целом, в свою очередь, отражавшемся и на других явлениях общественной жизни.

Явная благосклонность Н. Н. Муравьева в отношении первой иркутской газеты «Иркутские губернские ведомости» освещена исследователями достаточно подробно. В истории российской провинциальной печати XIX в. трудно найти пример подобного уровня гласности и свободы слова применительно к официальному печатному органу. Но либерализм Муравьева строился на достаточно определенных условиях, диктуемых государственными интересами и его видением собственного предназначения. Генерал-губернатор, в соответствии с законом, являлся «главным блюстителем неприкосновенности верховных прав самодержавия, пользы государства и точного исполнения законов и распоряжений высшего правительства по всем частям местного управления»³. Обличение произвола, казнокрадства и прочих пороков чиновников, представителей власти местных уровней или купечества никак не умаляло государственных интересов в целом, наоборот, укрепляло влияние и авторитет власти среди местного населения. Однако в отношении непонимания и неприятия амурской политики Н. Н. Муравьева, когда ставились под сомнение государственные интересы России на Востоке страны, генерал-губернатор был непреклонен.

Это наглядно показала история первой частной газеты «Амур», выходившей в Иркутске с 1 января 1860 г. Для ее появления сложились благоприятные условия. Прежде всего, разрешение на издание частной газеты получено явно при поддержке генерал-губернатора Н. Н. Муравьева и его «связей» в столице, в том числе в лице министра внутренних дел Л. А. Перовского. Кроме того, изданию газеты в Иркутске способствовало появление типографии штаба военного округа Восточной Сибири. Развитие провинциальной прессы всегда было напрямую связано с полиграфической базой. В статье «Начало печати в Сибири» Н. М. Ядринцев писал о первой частной иркутской газете: «Наружный вид газеты был уже гораздо приличнее наружности “Губернских ведомостей”. “Амур” печатался в довольно порядочной местной военной типографии и на очень порядочной бумаге»⁴. Это замечание известного публициста свидетельствует о достаточно высоком техническом уровне военной типографии. Несомненно, ее оснащение соответствовало уже середине XIX в., а сибирские губернские типографии, заслужившие критику многих авторов за неприглядный внешний вид печатавшихся в этих типографиях

газет «Губернские ведомости», в основном работали на оборудовании начала XIX и даже конца XVIII вв.

Издателем газеты «Амур» являлась ее редакция. Редактором-издателем газеты официально стал М. В. Загоскин. Участие в делах первой частной газеты принимали многие лица, как представители иркутского общества, так и политические ссыльные, которые вскоре фактически и стали формировать идеологию и лицо газеты. «Решающую роль в редакционной коллегии “Амура” играли М. В. Буташевич-Петрашевский и Ф. Н. Львов»⁵.

По утвержденной правительством программе, газета «Амур» должна была заниматься только внутренними вопросами текущей жизни края, не обозначать каких-либо политических целей, по вопросам иностранной политики давать только перепечатки материалов из столичных изданий. Тем не менее, программа газеты позволяла охватывать очень широкую тематику. Предполагалась публикация общих распоряжений правительства и официальных известий, касающихся Восточной Сибири. Давались обзоры местных общественных вопросов, касающихся благосостояния и благоустройства Восточной Сибири и Амурского края. Следующие пункты программы газеты включали: известия из России, заимствованные из газет, журналов и частных корреспонденций; известия из разных частей Сибири; обзор иностранной политики, в особенности известия из Китая, Японии, Америки, с Восточного океана и Индии; ученые и беллетристические статьи, преимущественно о Восточной Сибири; фельетон; новости наук, искусств и ремесел; разбор интересных книг; хроника общественной жизни и прочие материалы.

В общем-то, программа была достаточно обширная, ограничения состояли в том, что газета не должна была выдвигать никаких политических целей.

Один из самых важных отделов газеты «Амур» – местного обозрения – возглавлял М. В. Буташевич-Петрашевский, который, конечно же, не мог, имея в руках газету, не проявлять своих политических пристрастий. И уже с первой передовой статьи начал уклоняться в сторону пропаганды. Кроме того, газета позволяла себе критические материалы в отношении присоединения и колонизации Приамурья. Чем, естественно, вызывала недовольство власти, в первую очередь, губернской администрации. Генерал-губернатор граф Н. Н. Муравьев-Амурский, помогая рождению

газеты «Амур», предполагал, что она станет сторонницей всей восточной политики генерал-губернатора. Однако он не только не встретил полного понимания, наоборот, газета желала быть независимой в мнениях и даже поддерживала противников освоения Амура.

Значение местной прессы в развитии и благополучии сибирского края понималось по-разному властью и общественностью, прежде всего, демократической интеллигенцией, что в конечном итоге приводило к конфликтам. Помимо ограничений и запретов, цензуры, власть имела и еще один очень действенный рычаг давления на прессу – саму возможность печатания газеты, зависимость газеты от типографии, особенно при отсутствии или недостаточном количестве частных типографий.

М. С. Корсаков, во время отъезда Н. Н. Муравьева исполняющий обязанности генерал-губернатора, выражая недовольство деятельностью редакции газеты, сообщал ему в письмах из Иркутска, что газета «идет скверным направлением, далеко не тем, какое следует ей иметь. <...> Нельзя ли переменить ее название, или просто закрыть»⁶. Н. Н. Муравьев в ответном письме в Иркутск 15 марта 1860 г. дал своему преемнику некоторые рекомендации: «Ты не доволен “Амуром”, и, разумеется, когда там главные сотрудники Петрашевский и Львов, то газета и не может идти хорошо. А потому самое простое средство: запретить печатать эту газету военной типографии, если деньги не взяты вперед, а также и губернской типографии не позволять принимать печатание ее. Тогда редактору останется только переписывать свою газету через писарей. Мереу эту я советую принять немедленно; редактору же объявить, что, за сделанным ему мною наставлением, ему следовало немедленно устранить от сотрудничества обоих вышесказанных господ; а что если наставления мои на него не действуют, то чтоб пенял сам на себя, если газета остановится, ибо клеветы и злобы мы не можем допускать в газете, которая находится под моим покровительством и цензурою...»⁷.

Однако, в конечном итоге, не военная типография, где печаталась газета, стала главной причиной прекращения ее существования, а общественно-политические разногласия в составе самой редакции газеты наряду с финансовыми проблемами. Последний номер «Амура» вышел в июне 1962 г.

И, тем не менее, политизация местной сибирской печати, в числе других причин, сыграла против графа Н. Н. Муравьева-Амурского, усилив влияние столичных оппонентов генерал-губернатора Восточной Сибири и его дальневосточной политики. Пресса вкуче сформировала общественное мнение, прежде всего, мнение столичного высшего общества, не в его пользу.

В Сибири политическая ссылка нашла благодатную почву для дальнейшего развития и самосовершенствования в силу многих особенностей развития края. Отсутствие крепостного права, наряду с другими факторами, способствовали тому, что в Сибири свобода всегда была одной из практических категорий для всех слоев населения, что неоднократно отмечалось, в том числе и генерал-губернаторами.

Интересное первое впечатление от Сибири приводится во Всеподданнейшем отчете генерал-губернатора Д. Г. Анучина. «Прежде всего, подобно массе других путешественников, я был поражен красотой здешней природы, раздольем здешних мест и той свободой, которой в этой стране ссылки и каторги пользуется местное население.

При самом вступлении в Сибирь замечаешь что-то новое, поражающее. Это впечатление делается не природою однако, а человеком. Между населением двух соседних губерний, Пермской и Тобольской, такая разница, что в первом же сибирском селении чувствуешь, что находишься в другой экономической и социальной обстановке. Неразговорчивого, сумрачного крестьянина-пермяка, спешащего скорее сбечь с рук проезжающего высшего чиновника, сменил бойкий, сметливый и словоохотливый крестьянин-сибиряк, по большей части хорошо одетый и обстроенный. Его привлекает не столько желание поглазеть, как «бежит генерал-губернатор» [“Здесь обычай говорить бежит вместо едет” (примечание Анучина). – А. Ш.], сколько положительное намерение поговорить с новым начальником края, от него самого узнать, не готовится ли каких-либо новых до здешнего населения касающихся правительственных распоряжений и лично ему передать заявления о своих тяготах и нуждах»⁸.

На это же обратил внимание и бывший народоволец И. И. Попов, ставший редактором газеты «Восточное обозрение», говоря, что «чеховские сумерки», как образно, с подачи А. П. Чехова, обозначался временный спад в общественной жизни страны, прошли

мимо Сибири. И. И. Попов отмечал: «Постоянная борьба с природой выработала в сибиряке смелость, уважение к личности человека и умение постоять за себя. Сибирь почти не знала крепостного права. [Крестьяне] были свободны и, несмотря на сильно развитый в них индивидуализм, жили миром. “Жить миром” требовали условия суровой и неровной в отношении распределения благ сибирской природы. Сибирский крестьянин не унижался, считая себя равным с другими, и протягивал при встрече руку всем, не исключая губернаторов»⁹. Поэтому и отношение к политическим ссыльным у сибиряков было очень лояльным.

Говоря о влиянии политической ссылки на сибирскую печать, стоит оглянуться на традиции еще рукописной сибирской журналистики и ее связи с политической ссылкой. В истории сибирской литературы и культуры, начиная уже с конца 30-х гг. XIX в., особое место занимали рукописные журналы для «локального» или «домашнего пользования», возникавшие вначале просто из-за невозможности иметь печатное издание. Но в дальнейшем рукописные журналы постепенно приобретали общественное значение, становились неким проявлением протестной местной журналистики, в основном памфлетной формы, сохраняясь даже после появления сибирской периодической печати, вплоть до первых десятилетий XX в. В 80–90-е гг. XIX в. рукописная сибирская журналистика начинает смыкаться с нелегальной журналистикой политических ссыльных. С этого времени появляются листовки и памфлеты, размноженные копировальным конторским прессом, дающим три-четыре экземпляра, затем начинает использоваться гектограф, также изготавливающий копии с рукописного оригинала.

Рукописные и гектографированные журналы политических ссыльных в 80-х – первой половине 90-х гг. резко выбивались из сибирской рукописной журнальной традиции и фактически не стали значимым явлением для края. В общем-то, они и создавались ссыльными для внутреннего пользования в своем сообществе, как способ общения и одна из форм существования ссыльных и возможность продолжать свою деятельность.

Но и эти обособленные островки нелегальной журналистики ссыльных имели некоторое воздействие на сибирское общество, тем более, что чаще всего создавались уже опытными литераторами и журналистами, участвовавшими в печати и до ссылки. Сибирская ссылка давала им возможность не только не оставлять, но

и совершенствовать собственную журналистскую и пропагандистскую практику, так или иначе влияя и на местные газеты, и на рукописную журналистику. «Ограниченный круг сибирских жителей, прежде всего молодежи, имел соприкосновение с нелегальными журналами каторги и ссылки (участвуя в размножении текстов, пересылке материалов в разные концы Сибири, европейскую часть России, за границу) и через них впитывал политические идеи, распространенные в Западной Европе и в России»¹⁰.

В Сибирь второй половины XIX в. было направлено около двух тысяч участников революционного движения. Среди них по численности и культурной значимости самую большую группу представляли народники, в основном интеллигенция или студенты. И эти ссыльные литераторы, врачи, учителя, инженеры активно включались в жизнь местного общества. По словам народника С. А. Жебунева, «революционные деятели незаметно для самих себя превращались в местных культурных работников, правда, особого типа»¹¹.

Политические ссыльные в значительной степени стали стержнем формирования сибирской интеллигенции, в силу массовости этого процесса, большого количества ссыльных, влившихся в местные сообщества, и одновременно, малочисленности коренной сибирской интеллигенции.

Практически все сибирские неофициальные газеты XIX в. отличались ярко выраженной демократической направленностью и участием ссыльных в составе редакций или в качестве корреспондентов. Как правило, жизнь большинства независимых газет была недолговечна, газеты закрывались как по цензурным запретам, так и вследствие недостатка подписчиков и финансов.

Основой существования газеты являлось наличие полиграфической базы. Типографии играли важную роль и в процессе политизации сибирского общества. Здесь в разной степени прослеживается деятельность как официальных типографий – губернских, ведомственных, частных, так и нелегальных.

Исследователями отмечаются попытки создания нелегальных типографий в Сибири уже с конца 70-х гг. XIX в., но достаточно быстро они обнаруживались полицией и уничтожались.

В этот период нелегальная издательская деятельность в Сибири не получила широкого распространения, в том числе и в связи с небольшим количеством имеющихся местных типографий. Си-

бирские масштабы и пути сообщения представляли большие трудности с приобретением и доставкой полиграфического оборудования. Проще станет завозить оборудование после строительства железной дороги, тогда и станут более активно возникать нелегальные типографии. Поэтому временем появления и активной деятельности нелегальной партийной печати, наряду с легальной, станет начало XX в. В Иркутске наиболее полно развернется деятельность партии эсеров и партии социал-демократов, выпускавших как легальные, так и нелегальные издания в виде листовок, газет, брошюр. Нелегальные типографии иркутских социалистов-революционеров (эсеров) и социал-демократов появились в 1902 г., обнаруживались, арестовывались, возникали вновь в разные годы, выпускали прокламации и газеты. Но это тема отдельного исследования.

Начиная с 80-х гг. XIX в. подозрение в причастности к выпуску нелегальной литературы и к созданию нелегальных типографий в Сибири вызывали порой и частные полиграфические предприятия. По этой причине в поле зрения полиции попали две крупнейшие сибирские газеты, наиболее популярные и влиятельные в регионе, имеющие собственные типографии. В Иркутске это газета «Сибирь» и типография Нестерова, в Томске – газета Макушина «Сибирская жизнь» и типография Михайлова и Макушина.

Исследователь Л. П. Рощевская на основании архивных данных сообщает: «В январе 1882 г. был установлен круглосуточный надзор за типографией В. В. Михайлова и П. И. Макушина в Томске. Власти предполагали, что типография П. И. Макушина “если не печатает только в занимаемом ею помещении противоправительственных брошюр и т. п., то участвует в том своим содействием неизвестной томской типографии, через снабжение ее частью своих шрифтов и другим каким способом”»¹².

Закономерно предположить, что политические ссыльные, входившие в состав редакций легальных газет, могли не только участвовать в подготовке и выпуске нелегальных изданий, но и воспользоваться своим положением законного взаимодействия с типографиями, неизбежного в производственном процессе выпуска газет, для печатания заодно и нелегальных изданий.

Роль издательского дела и печати в политизации иркутского общества прослеживается и на примере иркутской газеты «Сибирь», после перехода ее издания от чиновника П. А. Клиндера к В. И. Вагину, затем – А. П. Нестерову.

Напомним, что первый номер клиндеровской газеты «Сибирь» вышел 4 января 1873 г. Газета должна была выходить раз в две недели, печаталась в типолиитографии Н. Н. Сеницына. Дела газеты шли неважно, она протянула лишь два года и 26 декабря 1874 г. П. А. Клиндер был вынужден сдать газету в аренду. Он подписал соглашение, по которому передавал права на издание «Сибири» опытнейшему сибирскому журналисту и чиновнику В. И. Вагину при посредничестве отставного казачьего подполковника А. П. Нестерова с 1 января 1875 г. по 1 января 1878 г., с правом проводить любые изменения в газете «для успешного ее хода»¹³. В редакционный совет «Сибири» входили бывший редактор «Амура» М. В. Загоскин, врач М. Я. Писарев, организатор первой общественной библиотеки в Иркутске М. П. Шестунов, подполковник А. П. Нестеров. С ноября 1877 г. редакционный совет по разным причинам (в частности, столкнулись два направления сибирского областничества) отстранил В. И. Вагина от руководства газетой, поручил редактирование «Сибири» чиновнику иркутской контрольной палаты Н. Г. Тюменцеву, однако фактическим редактором являлся М. В. Загоскин. Издателем газеты стал А. П. Нестеров.

В 1879 г. по требованию П. А. Клиндера, перебравшегося к тому времени в Петербург, права на издание газеты были выкуплены у него коллективом редакции, в основном, усилиями А. П. Нестерова и при поддержке А. М. Сибирякова.

Впервые в истории иркутской печати подполковник А. П. Нестеров осуществил идею собственной типографии для газеты, позволявшей ей быть более самостоятельной. 29 февраля 1879 г. он при помощи финансовых средств опять же А. М. Сибирякова, известного мецената, иркутского золотопромышленника и исследователя Северного морского пути, купил в Петербурге старое типографское оборудование и новые шрифты, отправил все в Иркутск и «открыл типографию в доме Рудых на Преображенской улице»¹⁴.

Если для Клиндера, человека приезжего, в Сибири временного, газета была, в сущности, чужим, незнакомым предприятием, впрочем, как и местное общество, то сибиряк Нестеров в делах печати новичком не был. В 1873–1874 гг., проживая в Иркутске, Андрей Павлович являлся корреспондентом прогрессивной «Волжско-Камской газеты», издаваемой в Казани Н. Я. Агафоновым, Н. М. Ядринцевым и Г. Н. Потаниным.

Заслуги А. П. Нестерова в деле создания в Иркутске частной периодической печати были значительными. И в то же время газета «Сибирь» стала причиной кардинального поворота судьбы подполковника Нестерова и концом его военной карьеры.

Время деятельности его типографии, фактически первой типографии газеты «Сибирь», оказалось весьма коротким. 10 марта 1880 г. в типографии А. П. Нестерова органами жандармерии проведена опись имущества по возникшим подозрениям о связях с народовольческим кружком и печатании изданий петербургской «Народной воли». «Подозрения петербургских жандармов основывались на тождестве шрифта “Сибири” и подпольной газеты. Существовала версия, что Нестеров, закупив в Петербурге 800 пудов шрифта, доставил в Иркутск только 400. Местный жандармский майор Халтурин опечатал типографию. Но, в ночь перед назначенной проверкой шрифта, типография сгорела дотла»¹⁵.

Пожар в типографии ночью 16 марта полностью уничтожил все ее оборудование и квартиру Нестерова, жившего при ней, как и соседний дом. По странной ли случайности, но часть тиража № 11 газеты «Сибирь», 200 экземпляров для городских подписчиков, была отпечатана заранее и сохранена. В связи с пожаром, в подозрении умышленного поджога, хозяин типографии был арестован. Основная версия обвинения против А. П. Нестерова – поджог для сокрытия связи с революционной организацией. Указывалось, что уничтожение всех шрифтов и прочего оборудования не позволило доказать факты передачи части шрифтов для подпольной типографии народовольцев или печатания их литературы. И хотя обыски, проведенные в Иркутске у многих известных прогрессивными взглядами лиц (М. Загоскина, Я. Артенова, М. Трусовой, Н. Садовникова, В. Вагина, С. Стахеева, М. Шестунова и других), ничего не дали, военной службе Нестерова был положен конец. Он вынужден был выйти в отставку и отправиться в административную ссылку в Пивовариху.

Когда Нестеров получил разрешение выезжать в Иркутск, он вновь занялся газетой «Сибирь», редактором которой с 1 января 1881 г. избран М. В. Загоскин, известный сибирский писатель, педагог и журналист. А. П. Нестеров, вновь примкнув к газете «Сибирь», «восстановил ее погоревшую типографию и оставался ближайшим товарищем М. В. Загоскина по изданию газеты до ее прекращения по распоряжению Главного управления по делам печати»¹⁶.

Политическая направленность газеты представляла сочетание явного народничества с самобытным областничеством, предполагавшим некую «задержку» развития капитализма в крае, особую миссию многоземельной крестьянской Сибири. Такая направленность газеты диктовалась, прежде всего, участием в ее деятельности двух группировок: местной разночинной интеллигенции и представителями политической ссылки, где преобладали народники. Среди основных отличий их позиций можно указать отношение к реформам. Если областники полагались на реформы сверху, то народники были уверены, что только борьба может привести к реформам и улучшениям. Поэтому и газетные публикации «Сибири» в значительной степени представляли некую «борьбу за буржуазно-крестьянскую демократию»¹⁷ и отражали переход народников на либеральные позиции. Надо заметить, что участие политических ссыльных в легальной печати вольно или невольно стало возможностью упрочения или корректировки их политических позиций и взглядов, в какой-то степени проходящих проверку на сибирской почве.

Газета «Сибирь» под руководством М. В. Загоскина постепенно стала влиятельной общественной силой, активно участвуя в жизни края и формировании общественного мнения. С годами тема сибирской деревни, крестьянской общины хоть и остается ведущей в газете, но все-таки на ее страницах уже появляется и образ сибирского рабочего с его нуждами, встают проблемы развития промышленности и торговли в крае, и вопросы городского самоуправления. Степень воздействия на общество сибирских газет обусловлена еще и таким фактором, что в числе их авторов всегда имелось большое количество политических ссыльных, охватывающих своими корреспонденциями с мест почти всю огромную территорию, самые «медвежьи углы».

Возможности газеты «Сибирь» по формированию мировоззрения сибирского общества еще более усилились с арендой с 1 февраля 1886 г. типолитографии Н. Н. Синицына, а затем и приобретением в собственность ее основного оборудования. Газета «Сибирь» становилась значительной силой не только в общественно-политическом отношении, но и как крупное коммерческое предприятие. Типолитография располагала хорошей технической базой – 2 скоропечатные типографские машины, ручной типографский станок, одна скоропечатная литографическая маши-

на и 3 литографических станка¹⁸. Оснащение типографии, наряду со многими дополнительными «службами», также перешедшими от Синицына, позволяли выполнять самые разнообразные заказы.

Однако политизация газеты неизбежно вела к ее закрытию, потянув за собой и типографию. 4 июня 1888 г. № 24 газеты «Сибирь» был последним, по распоряжению министра внутренних дел временный редактор газеты М. В. Загоскин отстранен от этой должности. 28 июня подписчики газеты «Сибирь» стали получать лишь одни телеграммы «Северного телеграфного агентства», агентство которого была открыта при редакции газеты с 1 марта 1881 г.

Место газеты «Сибирь» в сибирском обществе заняла газета «Восточное обозрение», в 1888 г. переведенная Н. М. Ядринцевым в Иркутск из Петербурга, где она издавалась с 1882 г. В ведение редакции «Восточного обозрения» с 17 июля 1888 г. перешла и типолитография газеты «Сибирь» с бывшими при ней книготорговлей, переплетной и линовальным заведением. Кроме тиража газеты и ее приложения печаталась и прочая полиграфическая продукция, книги, на которых в 1888–1889 г. значится «Типография газеты «Восточное обозрение».

Однако наличие типографии не сделало финансовое положение газеты стабильным. Первый иркутский период газеты «Восточное обозрение» складывался сложно, сам Н. М. Ядринцев мало занимался газетой. С 1890 г. типография «Сибири»/«Восточного обозрения» перешла в собственность К. И. Витковской. Газета находилась в критическом положении, подписчиков было мало, тираж «Восточного обозрения» упал до минимума, из-за убытков газета не выходила три месяца с октября 1890 г. до января следующего года.

В мае 1892 г. редактором «Восточного обозрения» стал Д. А. Клеменц, «что способствовало изменению внешнего вида газеты и ее содержания»¹⁹. Общественные позиции газеты несколько улучшились, с конца 1893 г. газета стала выходить три раза в неделю вместо одного, однако экономическая ситуация с изданием оставалась очень сложной, газета являлась убыточной. Лишь энергичные меры организационного характера, предпринятые с 1894 г. следующим редактором и одновременно издателем И. И. Поповым, сделали газету рентабельной и влиятельной, с июля 1898 г. выходящей ежедневно.

Новый владелец «Восточного обозрения» И. И. Попов хорошо понимал все преимущества, получаемые газетой при наличии «своей» типографии – собственной, арендованной или гарантирующей бесперебойный выпуск тиража на основе договора. С 1900 г. на иркутских изданиях вновь появляется марка «Типография газеты «Восточное обозрение». Здесь приведем разъяснения самого редактора-издателя газеты, И. И. Попова. «С переходом газеты на ежедневное издание перед редакцией встал вопрос – где печататься? Существующие в Иркутске типографии, за исключением типографии П. И. Макушина, фактически не могли печатать ежедневную газету. Да и макушинская типография, заваленная железнодорожными заказами, также затруднялась взять “Восточное обозрение”, компаньон Макушина и заведующий типографией В. М. Посохин откровенно заявил, что возьмет печатать газету и сообразно с этим оборудует типографию только с тем условием, если редакция гарантирует ему непрерывное печатание газеты в течение трех лет.

Создавалось безвыходное положение. Выручил мой тесть А. М. Лушников. Зная, что я не желаю быть предпринимателем и за массой редакционных дел я не могу им быть, он предложил своему старшему сыну, брату Веры Алексеевны Иннокентию, и своему крестнику И. П. Казанцеву, которые оба были без дела, открыть типографию в Иркутске, и к новому году типография была оборудована. Первый номер газеты на 1900 г. вышел в этой типографии, которую публика называла типографией “Восточного обозрения”. Редакция действительно чувствовала себя в ней как в своей. Типография потом принадлежала уже одному Казанцеву, так как И. А. Лушников уехал в Кяхту в 1902 г. издавать вместе с И. В. Багашевым газету “Байкал”»²⁰.

Постепенно газета «Восточное обозрение» стала главным выразителем общественного мнения, в местном обществе влияние газеты было велико, ей доверяли и признавали неким судьей, могущим выносить моральные приговоры, вокруг издания сосредоточивалась общественная и культурная жизнь края. Хотя постоянный контроль не давал возможности оперативно освещать острые общественно-политические вопросы. «Мы не можем высказать полного своего мнения по вопросу о народничестве и марксизме, а потому предпочитаем не касаться их вовсе», – поясняла редакция в № 174 за 1900 г. Несмотря на то, что «в конце 90-х гг.

главным направлением ее стало так называемое “культурничество”, в редакции уживались и народники, и анархисты, и социал-демократы, но всех объединяла даже минимальная возможность выразить свое отрицательное отношение к политике угнетения народа», – отмечал Е. Д. Петряев, подготовивший свод библиографических материалов по сотрудникам «Восточного обозрения» и «Сибирских сборников»²¹.

В основном сотрудниками этих изданий являлись политические ссыльные, что и не удивительно, если вспомнить, что сам редактор-издатель И. И. Попов – бывший народоволец, член ЦК партии, сосланный в Восточную Сибирь, имеющий со многими ссыльными дружеские связи. Надо отметить, что участие политических ссыльных в сибирской печати носило массовый характер. Они выражали разные политические взгляды, можно было встретить и противоречащие друг другу статьи. Нередко в Сибири в одном издании мирно уживались совершенно различные направления, от буржуазно-либеральных до социал-демократических. Порой складывается впечатление, что редакторы-издатели предоставляли страницы своих изданий в зависимости не от политических, а личных симпатий к авторам.

Например, известный литератор-большевик М. С. Ольминский (Александров) за время пребывания в ссылке опубликовал в газете «Восточное обозрение» около 60 статей, корреспонденций, фельетонов и стихов»²².

В популярности и авторитете газеты была несомненная заслуга редактора-издателя, сказывался его немалый опыт литературной и журналистской работы, наряду с огромным багажом политического опыта, умелого привнесения в легальную деятельность некоторых элементов нелегальной работы. Нужен был и талант устанавливать отношения с властью, выдержка и принципиальность, а также гражданское мужество, силы и оптимизм. «За публикации “Восточного обозрения” редактор И. И. Попов более 20 раз привлекался к суду, дважды был оштрафован и один раз арестован на шесть дней»²³, – отмечал Е. Д. Петряев.

О значении «Восточного обозрения» как неофициального главного печатного органа Иркутска говорят такие факты, как первоочередность публикации в этой газете наиболее важных документов. Например, 22 октября 1905 г. по правительственному телеграфу в Иркутске был получен текст Манифеста 17 октября,

доставлен И. И. Попову и срочно отпечатан в типографии. «Сырые листки прямо с типографской машины передавались толпе, узнавшей о получении манифеста и осаждавшей здание редакции газеты»²⁴.

В пору революционных событий 1905 г. сложно было удержаться в стороне от политики. В конце 1905 г. «Восточное обозрение», позиционировавшее себя до этих пор как беспартийная газета, сделала попытку включиться в политическую борьбу и вскоре в административном порядке была закрыта. Издание газеты прекратилось 26 января 1906 г.

Начало XX в. характеризуется всплеском активности сибирской печати, особенно в этом отношении выделялся Иркутск. И естественно, что резко возросла и общественно-политическая активность сибиряков, в том числе и сибиряков «временных». Возможно, в этот период наблюдается наиболее тесное взаимное воздействие развития печати, издательского дела и политических ссыльных.

Повторим, вслед за Н. Н. Щербаковым, отметившим, что «судьбы ссыльных большевиков настолько переплелись с сибирской прессой», высказывание социал-демократа В. Н. Соколова в газете «Иркутское слово» 21 мая 1912 г.: «А сибирская печать? Даже либеральная, не говоря уже о демократической... Если бы изолировать от нее новую ссылку, добрая половина органов перестала бы существовать»²⁵.

Примечания

1. Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост., авт. предисл. и прим. Ю. П. Колмаков. Иркутск : Отгиск, 2003. С. 62.
2. Там же. С. 63.
3. Свод законов Российской империи. Т. 2. 1876. Ст. 415.
4. Ядринцев Н. М. Начало печати в Сибири // Литературный сборник. Ч. 2. СПб, 1885. С. 382
5. Любимов Л. С. История сибирской печати. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1982. С. 46.
6. Записки Иркутского областного краеведческого музея. Иркутск, 1961. С. 69.
7. Барсуков И. П. Граф Н. Н. Муравьев-Амурский. Материалы для биографии. Т. 1. М., 1891. С. 586.
8. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Вып. 1. Всеподданнейшие отчеты генерал-губернатора за время с 1879 по 1882 г. и бумаги по общим вопросам управления гражданского / Изд. по распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири Д. Г. Анучина. Иркутск : тип. Штаба Вост.-Сиб. воен. округа, 1884. С. 9–10.

9. Попов И. И. Забытые иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. С. 14.
10. Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Т. 1. Конец XVIII – середина 90-х годов XIX века / отв. ред. В. Н. Волкова. Новосибирск, 2000. С. 198.
11. Там же. С. 110 ; Жебунев С. А. Отрывки из воспоминаний // Былое. 1907. № 5. С. 253.
12. Роцевская Л. П. История политической ссылки в Западной Сибири во второй половине XIX в. Тюмень, 1976. С. 122; ГАТО. Ф. 3. Оп. 25. Д. 13. Л. 1, 3.
13. Иркутская летопись 1661–1940 гг. С. 73; Ермолинский Л. Л. Сибирские газеты 70–80 годов XIX века. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1985. С. 11.
14. Иркутская летопись 1661–1940 гг. С. 76.
15. Ермолинский Л. Л. Указ. соч. С. 20.
16. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. Иркутск, 1993. С. 466.
17. Ермолинский Л. Л. Указ. соч. С. 50.
18. Иркутский справочный календарь. Иркутск, 1888. С. 105.
19. Иркутская летопись 1661–1940 гг. С. 104.
20. Попов И. И. Указ. соч. С. 110–111.
21. Петряев Е. Д. Сотрудники «Восточного обозрения» и «Сибирских сборников» (1882–1906) : библиограф. материалы // Забытые иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. С. 343.
22. Кудрявцев Ф. А., Вендрих Г. А. Иркутск. Очерки по истории города. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1971. С. 206
23. Петряев Е. Д. Сотрудники «Восточного обозрения» и «Сибирских сборников» (1882–1906). С. 343.
24. Иркутская летопись 1661–1940 гг. С. 177.
25. Шербаков Н. Н. Влияние ссыльных пролетарских революционеров на культурную жизнь Сибири. (1907–1917). Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1984. С. 160.

ШУЛБАЕВ О. Н.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НЕДОСТАТКИ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ МТС ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В 1946–1950 ГГ.

Одной из важных задач послевоенного развития сельского хозяйства была проблема подготовки и переподготовки механизаторских кадров. За годы войны численность механизаторов в МТС значительно сократилась, а также существенно понизился уровень их квалификации. Вследствие того, что большая часть мужского населения была призвана в армию, на сельскохозяйственных машинах преимущественно работали женщины и подростки. В 1943 г. удельный вес женщин в составе механизаторских кадров превышал 50 %¹. При этом были сокращены и сроки подготовки